

Two "Prodigal Sons" of Russian Literature and the Problematics of the "Subject Range": Images of Earth Fruit by N.S. Gumilyov and I. A. Bunin

Zavelskaya Darya Alexandrovna^{1*}

Associate Professor, Moscow State University of Design and Technology named after A.N. Kosygin,
Moscow, Russia.

(date of receiving: May, 2021; date of acceptance: July, 2021)

Abstract

The article is devoted to the interpretation of two poems: "The Prodigal Son" by Gumilev and Bunin "And flowers, and bumblebees..." in the context of the Gospel parable and the Christian picture of the world. The poems are considered on the basis of a comparative analysis. The comparison is based on the correlation of object images with the image of the world, religious meaning and ethical feeling. For the interpretation of images, the concept of an artistic (literary) model is introduced, which implies a direct connection of the chosen images with the basic system of the author's world perception. The method of historical poetics is connected in this study with the semantic analysis of subject and natural images. These images are presented as elements of a literary model that embodies through aesthetics the value ethics of good deed as a continuation of natural beauty and generosity. In the process of analysis, the model of the "Eden Text" is revealed, which serves as a prototype for the interpretation of the world of objects as a gift from God. This model can be considered a variant of the embodiment of an idyllic genre.

Keywords: Tradition, Image, Artistic Model, The Gift, Interpretation, N. S. Gumilyov, I. A. Bunin.

---

1. E-mail: daralzav@gmail.com * Corresponding author

**Два «блудных сына» русской литературы и проблематика
«предметного ряда»: образы земных плодов у Н. С. Гумилёва и
И. А. Бунина**

Завельская Дарья Александровна^{1*}

Доцент, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина
(Технологии. Дизайн. Искусство),
Москва, Россия.

(дата получения: май 2021 г.; дата принятия: июль 2021 г.)

Аннотация

Статья посвящена интерпретации двух стихотворений: «Блудный сын» Гумилева и Бунина «И цветы, и шмели...» в контексте Евангельской притчи и христианской картины мира. Стихотворения рассматриваются на основе сопоставительного анализа. Сравнение базируется на соотношении предметных образов с изображением мира, религиозным смыслом и этическим чувством. Для интерпретации образов вводится понятие художественной (литературной) модели, которая подразумевает непосредственную связь избираемых образов с базовой системой мировосприятия автора. Метод исторической поэтики связан в данном исследовании с семантическим анализом предметных и природных образов. Эти образы представлены как элементы литературной модели, которая воплощает через эстетику ценностную этику благой деятельности как продолжения природной красоты и щедрости. В процессе анализа выявляется модель «Эдемского текста», который служит первообразом для познания мира объектов как Божьего дара. Эта модель может считаться вариантом воплощения идиллического жанра.

Ключевые слова: Традиция, Образ, Художественная Модель, Дар, Интерпретация, Гумилев, Бунин.

---

1. E-mail: daralzav@gmail.com * Ответственный автор

Введение

Интерпретация предметных и пространственных образов в творчестве И.А. Бунина и Н.С. Гумилева неоднократно становилась проблемой для исследователей (Захарова 2013. 6, 14), (Кихней, Меркель 2015. 131), отчасти это объясняется многообразием методологических подходов к *вещным образам* в литературе, отчасти – сложностью самой эпохи рубежа веков, соединившей и литературную *традицию*, и устремления творческих объединений, активно ее преобразующих (а порой и ниспровергающих) (Там же. 129).

В данном исследовании поставлена задача *выявить комплексный смысл предметных образов в художественной картине мира* двух поэтов с учетом ценностной системы. Можно ли ее связать с образностью, не упустив *интерпретации сюжета*? В этой области необходимо учитывать историко-культурный фактор и художественные средства как элемент общей жанровой структуры.

В масштабном труде Чудакова А.П. «Слово – вещь – мир. От Пушкина до Толстого» (Чудаков 1992) смысл вещи рассматривается не только как особенность индивидуального художественного мира писателя, но и как носитель эмоционально-нравственного смысла, восходящего к традиции. До этого, он выдвинул концепцию значимости природных и рукотворных предметов в этом мире, обладающем «своими внутренними законами» (Чудаков 1992. 8).

Предпринимая попытку философского осмысления предметного мира, В. Топоров в своем труде «Вещь в антропоцентрической перспективе (апология Плюшкина)» противопоставляет природе вещь, которая «вне природы и природного ряда; она создана искусственно мыслящей рукой человека...» (Топоров 1995. 33).

Но всегда ли природный и рукотворный предмет противопоставлены в культурной традиции и в литературном произведении? Этот непростой вопрос требует внимательного анализа, и здесь мы лишь предпримем попытку подступиться к нему, интерпретируя предметный ряд в аспекте картины мира, наделенной значимыми *этическими смыслами*.

Основная часть

Выбор стихотворений для анализа обусловлен тематическим единством – образом блудного сына, восходящим к Евангельской притче. Сразу уточним: «экзегетическая», т. е. опирающаяся преимущественно на богословско-догматическую трактовку интерпретация художественных образов светской литературы, получившая распространение в постсоветском литературоведении, не может быть признана фундаментальным методом. Сам богословский смысл непременно должен учитываться, когда мы исследуем *традицию* как широкий и многослойный *контекст*, но исследователь не должен уравнивать этот смысл и сущность образа в светском произведении *без учета жанровой поэтики* и других факторов, влияющих на стилистику и семантику текста.

У Бунина и Гумилева образ блудного сына использован различным образом. Бунин уподобляет себя герою притчи, выстраивая связь между эмоцией и осознанием жизненного пути. Гумилев рисует судьбу героя во многом сходно с Евангельским сюжетом, но конкретизирует подробности, в том числе уточняя исторический фон (поздняя античность).

Однако, в обоих случаях безусловную важность приобретает само переживание *возвращения*, которое воплощено насыщенным предметным рядом. Короткое стихотворение Бунина «И цветы, и шмели...» (1918) воспроизведем здесь полностью:

И цветы, и шмели, и трава, и колосья,

И лазурь, и полуденный зной...

Срок настанет - господь сына блудного спросит:

"Был ли счастлив ты в жизни земной?"

И забуду я все - вспомню только вот эти

Полевые пути меж колосьев и трав -

И от сладостных слез не успею ответить,

К милосердным коленям припав (Бунин 1987. 118 – 119).

Как сказано выше, интерпретация предметного мира Бунина неоднократно становилась проблемой для исследователей. Затруднения мы видим еще у его современников. Так «Чернозем» В.Г. Короленко назвал «легкими виньетками, состоящими преимущественно из описаний природы, проникнутых лирическими вздохами о чем-то ушедшем...» (Короленко 1904. 146]

По мнению О.В. Сливацкой, в особом мире Бунина настоящее вбирает в себя прошлое, благодаря чему воссоздается «целостная картина мира, во всем своем богатстве, с неискаженным временем пропорциями» (Сливацкая 2004. 130). Это реализуется в предметных образах. Однако исследователь объясняет мировоззрение писателя перекличкой с восточными религиозными воззрениями.

Между тем, в работе В.Т. Захаровой обоснованно продемонстрированы иные истоки образов у Бунина: «глубоко осознаваемой Буниным целесообразности этой жизни с ее «вписанностью» в привычный и прекрасный круговорот природного бытия, извечно освященный Божественной благодатью» (Захарова 2013. 19). Здесь речь идет о прозе, однако характеристика принципиально не противоречит образному строю его поэзии и может быть применена к стихотворению «И цветы, и шмели...» Согласуется ли это с Евангельской первоосновой?

Традиционная экзегеза притчи (включая литургику Недели о блудном сыне) (Лк.15. 11–32) подразумевает возвращение через покаяние к Богу и, в определенном смысле – к утраченному райскому блаженству:

«Встал и пошел к отцу своему. И когда он был еще далеко, увидел его отец его и сжалился; и, побежав, пал ему на шею и целовал его. Сын же сказал ему: отче! я согрешил против неба и пред тобою и уже недостоин называться сыном твоим. А отец сказал рабам своим: принесите лучшую одежду и оденьте его, и дайте перстень на руку его и обувь на ноги; и приведите откормленного теленка, и заколите; станем есть и веселиться! ибо этот сын мой был мертв и ожил, пропадал и нашелся» (Лк: 15. 11 – 32).

Встреча сына *дарами* – знак Божьей милости и щедрости, порядка непреходящего и вечного. И Бунин наделяет природные явления очевидной семантикой Божьего дара. Более того – главный вопрос, который, по ощущению автора, задаст ему Бог – о счастье в земной жизни. И ответом должно стать не стяжание власти или достатка, а благодарность за то, что не принадлежало герою, но давало *чистую радость активного созерцания*.

Противоречие может заключаться в том, что зачастую христианское мировоззрение интерпретируют как противопоставление земного и Божественного как аналогии материального и духовного. Но подобная интерпретация искажает богословское понимание контекста. Не любая материальность заслоняет от человека духовный смысл, а лишь тяга к «самодовлеющей» материи без осознания ее как Божьего дара.

Однако сходную концепцию мы обнаруживаем и в литературоведческих подходах. Проблема интерпретации отчасти в том, что ценностная система автора может не ощущаться в силу смещения ценностных понятий эпохи. Даже нынешний терминологический аппарат литературоведения больше приспособлен под аксиологию прогрессивного и ментального, нежели хранимого и плодоносного. Ломоносовские «краса и польза» в своем

концептуальном единстве уже воспринимаются как анахронизм. В рассуждении выдающегося литературоведа Гуковского о гоголевских «Старосветских помещиках» (Гуковский 1959. 94) понятийный инструментарий романтизма (противопоставление «земности» и «животности» неким «высоким качествам»; четкое разнесение ничтожного и возвышенного по «романтической» вертикали) вполне согласуется и с устоявшимся до нынешней поры принципом бинарной систематизации образов, о чем совершенно справедливо писал А.П. Чудаков: «Искусство — область духовности, поэтому рассуждения о роли вещи в нем как бы понижают его в ранге» (Чудаков 1986. 253). Далее, рассуждая о многообразии «вещности», он приходит к концептуально важному выводу о материальном образе в поэзии, который «обладает способностью передать — внушить читателю ощущение неовнешней и еще непространственной монады <...> и приоткрыть то, что бледно обозначается словами "внутренний мир" поэта» (Там же. 285). И это особенно важно для характеристики как бунинского творчества, так и поэтики акмеизма.

Не без труда стремился преодолеть данную оппозицию (дух — вещь) один из выдающихся литературоведов современности, интерпретируя, в частности, поэтику предметного образа в художественном мире Лескова: «Мир лесковских вещей отрицает противопоставление духовной жизни как высокой, единственно достойной и материально-телесной в качестве низменной, тем более — греховной» (Хализев 1982. 143). Характер вещного мира Лескова он соотносит с духовным мировосприятием героев: «они проникнуты спокойным и радостным доверием к бытию — праздничностью торжественной и одновременно ненавязчивой, тихой, созерцающе-молчаливой» (Там же. 144). Это напрямую связано с концепцией исторической поэтики, высказанной А.П. Чудаковым.

В этом контексте важна особая *поэтика дара и дарения* в русской рождественской литературе (см. Старыгина 2017). Но мы можем расширить

концепт, поскольку ощущение Божьего дара во всей полноте земного бытия было присуще и русскому романтизму. В замечательной поэме А. К. Толстого «Иоанн Дамаскин» (1858) земной природный мир воплощает высшую красоту, позволяя поэту и художнику через созерцание прикоснуться к истине. А в финальной части отчетливая аллюзия на 150 псалом и фрагмент кн. Пророка Даниила, включенный в 8 песню канона православной утрени (Дан 3: 57–58), органично переданы в своем основном значении – целостности бытийного мира, восхваляющего Творца:

Да хвалят торжественно Господа сил
И солнце, и месяц, и хоры светил,
И всякое в мире дыханье! (Толстой 2001. 30–31).

Используя эти концептуальные и типологические подходы, обратимся к стихотворению Гумилева, чтобы понять значение предметных образов для интерпретации Евангельской притчи. Поэма «Блудный сын – яркий образец и эмоционального, и *этического* звучания благой предметности в благословенном пространстве. Обратим особое внимание на предметный ряд отчего дома:

В нём книги и ладан, цветы и молитвы! (Гумилев 1998. 31)

Уже с первых строк поэт погружает читателя в вещь, наполненную духовным смыслом. Сами образы, хоть и могут быть символически истолкованы, совершенно не нуждаются в этом. Стоит вспомнить, что именно это произведение стало предметом конфликта между Гумилевым и символистами. Возвратившись из путешествия по Африке в 1911 г., поэт прочел поэму в «Обществе ревнителей русского слова», и она была резко раскритикована Вяч. Ивановым. Причины такой реакции различно трактовались исследователями (И. Дохерти, В. Десятов, О.Верник, В. Шубинский и др.). Не рассматривая всех мнений и историю полемики,

попытаемся обосновать существенное различие мировидения Гумилева и символистов.

Нельзя не признать, что, хотя Гумилев считал себя учеником И. Анненского, «Блудный сын» уже отчетливо знаменует отход автора от символистского мироощущения (Шубинский 2004. 293– 318). В частности, предметные образы поэмы, обладая порой несомненным сакральным значением, конкретны и жизненны. Они «земные», но это не противоречит духовности. Однако, это духовность иного рода, нежели ментальная сущность «знака» у символистов:

Ах, в рощах отца моего апельсины,
Как красное золото, поднею бездонным,
Их рвут, их бросают в большие корзины
Красивые девушки с пеньем влюблённым (Гумилев 1998. 33).

Сад, где «бодрствует ночи» отец героя, полон ярких плодов и песен, которые прекрасны не в иносказательном, но в реальном смысле.

В том же 1911 г., после конфликта с Вяч. Ивановым, Гумилев организовал первый «Цех поэтов», положивший начало направлению акмеизма, более ранний вариант названия которого – «адамизм». В свете этого стоит рассмотреть концептуальный смысл поэтики вновь обретенного Эдема:

И в горечи сердце находит усладу:
Вот сад, но к нему подойти я не смею,
Я помню... мне было три года... по саду
Я взапуски бегал с лисицей моею.
<...>
Там празднество: звонко грохочет посуда,
Дымятся тельцы и румянятся тесто,

Сестра моя вышла, с ней девушка-чудо,
Вся в белом и с розами, словно невеста (Там же. 34).

«Адамизм» отмежевывался от символизма, стремясь к усилению бытийности в том числе через мысль об Адаме – первом человеке, принявшем от Бога жизнь и мир как щедрый дар (Филатов 2017. 118–120). Здесь снова стоит вспомнить, что экзегеза притчи трактует возвращение в отчий дом как возвращение человека в Творцу.

Материальность пространства отчего дома в поэме не препятствует первичному «Эдемскому» смыслу. Подтверждением служит воспоминание героя о радостной детской игре с лисицей. На этом стоит остановиться подробнее. Традиционно в художественных текстах это животное предстает существом коварным и недобрым, тем неожиданней появление его в сцене блаженного младенчества главного героя.

Однако вспомним строки из более позднего стихотворения Гумилева «Память» (1920):

Дерево да рыжая собака,
Вот кого он взял себе в друзья,
Память, Память, ты не сыщешь знака,
Не уверишь мир, что то был я (Гумилев 2001. 90).

Здесь ностальгия не менее остра, чем в «Блудном сыне», но строже и печальней. И автор вновь упоминает среди самых значимых, эмоционально окрашенных образов детства рыжего четвероногого друга. Мы не можем исключать возможность «преображения» реального воспоминания о рыжей собаке в более фантастичное, но столь же трогательное воспоминание лирического героя поэмы:

Я вырос! Мой опыт мне дорого стоит,
Томили предчувствия, грызла потеря...

Но целое море печали не смое
Из памяти этого первого зверя (Гумилев 1998. 33).

Само словосочетание «первого зверя» может быть здесь многозначно. Очевидное прочтение на уровне личностных мотивов – «первое домашнее животное», однако в контексте «возвращения в Рай» и акцентированного слова «зверь» сквозь буквальный смысл проступает стилистически маркированная отсылка к изначальности творения: И созда́ Бо́гъ еще́ от земли́ вся́ звѣ́ри сѣ́лныя и вся́ пти́цы небѣ́сныя, и приведе́ я ко Ада́му ви́дѣ ти, что́ нарече́тъ я́: и вся́ко е́же а́ще нарече́ Ада́мъ ду́шу жи́ву, сие́ и́мя ему (Быт.2:19).

И нарече́ Ада́мъ имена́ всѣ́мъ ското́мъ, и всѣ́мъ пти́цамъ небѣ́снымъ, и всѣ́мъ звѣ́ремъ земны́мъ (Быт. 2:20).

В таком аспекте, на основе стилистической библейской аллюзии, картина детского беспредельного счастья отсылает к Эдемскому блаженству, где человек пребывает невинным и дружественным всему Творению, не тронутому злом, полному взаимной радости: дитя играет с хищником, который не опасен для него.

Что же касается окультуренной бытийности дома, то у Гумилева она представлена многослойно: как контрастно-изобразительная оппозиция не только убогой нищете (3 часть), но и римскому миру ленивой высокомерной роскоши (2 часть). Мы можем охарактеризовать отцовский сад и дом в «Блудном сыне» как пространство созидательной *благой деятельности*, продолжающей природное цветение и плодоношение, полное жизни. Данное соотношение можно считать целостной художественной моделью, воплощающей через образную систему единство мировосприятия, в котором через полновесную, щедрую красоту природных и предметных образов ощущается сама сущность Творения, к которой возвращается из странствий блудный сын, научившийся ценить подлинность жизни.

На такую интерпретацию образов дома и сада отчасти указывает мнение Шубинского о сути расхождения Гумилева с Вяч. Ивановым: «Что-то неуловимое вставало между ними – относящееся скорее к человеческой и творческой природе обоих, чем к идеям» (Шубинский 2004. 316). И вот это «неуловимое» мы гипотетически можем соотнести с новым ощущением бытия, которое поэт воплощал художественной моделью, объединяющей «Эдемскую» природную красоту с добрым и щедрым бытом (звонкий грохот посуды, домашняя пища).

Но вернемся к Бунину и его *описательным принципам*. Ходасевич противопоставлял Бунину символистам именно в этой области: «Символист - создатель своего пейзажа, который всегда расположен панорамой вокруг него. Бунин смиреннее и целомудреннее: он хочет быть созерцателем. Он благоговейно отходит в сторону, прилагая все усилия к тому, чтобы воспроизвести боготворимую им действительность наиболее объективно. Он пуще всего боится как-нибудь ненароком "пересоздать" ее» (Ходасевич 1996. 184 – 185). Безусловно, в стихотворении «И цветы, и шмели...» мы видим эту созерцательность и одновременно самодостаточность образов, их автономность от лирического героя, в чем есть активный нравственный смысл: природные объекты потому и не нагружены авторской «пересоздающей» субъективностью, что он принимает их как Божий дар, и в итоге счастье, о котором должен спросить Господь, отождествляется с благодарностью за само бытие.

Поспорим с Ходасевичем и о «боготворимости». Возможно, определенная инерция и ему мешала понять, что Бунин не боготворил реальность, а отчетливо ощущал в ней волю Творца (см. выше работу Захаровой), именно поэтому не «пересоздавал» ее, не делал вместилищем личных эфемерных ощущений. Такое созерцание впрямь «смирненно и целомудренно».

И мы можем предположить, что сходство такого созерцания у Бунина-неореалиста и Гумилева-«адамиста» отделяло обоих мастеров слова от

символистов. Хотя Гумилев, несомненно, испытал большее влияние символизма на свои поэтику и мировидение, а Бунин отошел от данного влияния раньше и категоричней, опираясь на реалистическую поэтику, при этом обогащая ее иными акцентами, в том числе – «идиллическими», но методологическая и (что не менее важно!) ценностная инерция препятствует рассмотрению бунинской поэтики в аспекте этого жанра.

Однако именно этот жанр демонстрирует важнейшую преемственность эстетики «Эдемского первообраза», включающего концепты дара и поиска утраченного Рая. Подтверждением служат многие художественные произведения: это и высокая поэзия И.А. Крылова («Утро», «Уединение», «Блаженство», см. подробнее Завельская 2020. 156 – 167), и стихотворение А. Майкова «Прощание с деревней» (1841), которое отчетливо демонстрирует «Эдемский» смысл в идиллическом дискурсе:

Последний кинем взгляд с прощальной слезой

На бывший наш эдем!.. Вот домик наш укроной... (Майков 1984.

57)

Показательно здесь упоминание дома, демонстрирующее связь предметного и природного ряда образов, отмеченную выше у Гумилева и расширяющее область рассмотренных текстов до типологической модели, в которой «Эдемский текст» можно считать вариантом идиллии. Стоит отметить в современном литературоведении выстраивание художественного и мировоззренческого единства концепта «дом» с областью сакрального, «освящением тварной природы человека и мира» (Радомская 2006. 44).

Но уже на основе проанализированных произведений Гумилева и Бунина описательную модель благого пространства никак нельзя назвать просто «виньеткой»; она содержательна и *внутренне активна*. Обозначим ее основные черты:

1) Панорамность, предполагающая активную созерцательность и созвучие *природного* начала с культурным (возделанным).

2) Насыщенная предметность с очевидной семантикой радости, щедрости и *благого дара*.

3) Глагольность с той же семантикой + созидание и возобновляемость.

Как же *христианская традиция* в обоих стихотворениях формирует данную модель?

Сопоставляя поэму Гумилева с коротким стихотворением Бунина, мы видим ключевой сюжет, воплощенный в предметных образах и сопутствующих переживаниях героя, которые становятся внутренним *событием (откровением)* а образы приобретают отчетливый смысл *дара*, в котором прочитывается *благословение*. Очевидно, что и у Бунина, и у Гумилева два сюжета – Евангельский и личный не совпадают, а пересекаются в *пространстве* покинутого Эдема, «отчего дома», который нужно обрести заново не только покаянием, но и радостным созерцанием. Единая *семантика благого дара* и в природных образах, и в атрибутах отчего дома возможна только при сохранении первичного сюжета притчи как основы событийной, а первичного образа Эдема – как основы мировоззренческой.

Заключение

Таким образом, мы обоснованно можем рассматривать выявленную у Гумилева и Бунина модель как художественное воплощение картины мироздания в контексте *христианской традиции*. При общем жанровом различии двух светских литературных интерпретаций притчи инвариант их - совокупность ключевых аспектов:

1) *семантики дара* в предметных образах;

2) сращения этой семантики с сюжетом *отпадения – покаяния – благодарности как с сюжетом «возвращения в Эдем»*;

3) актуализации «эдемского текста» через «идиллический текст».

В силу своей универсальности, данную модель стоит выявлять и у других авторов, помимо упомянутых здесь. Так поиск инварианта и установление его сложного формально-смыслового взаимодействия с другими художественными особенностями произведений может стать одним из методов осмысления *ценностных ориентаций* литературы.

Изучая *традицию* как широкий литературный и культурологический контекст, в методе исторической поэтики мы должны учитывать *семантику предметного ряда*, которая, реализует базовый мировоззренческий смысл.

Литература

- 1- Бунин И.А. (2006). *Полное собрание сочинений в 13 т. Т.2.* – М.: Воскресенье.
- 2- Гуковский Г.А. (1959). *Реализм Гоголя.* – М.: ГИХЛ.
- 3- Гумилев Н.С. (1998). *Полное собрание сочинений в 10 тт. Т 2.* – М.: Воскресенье.
- 4- Гумилев Н.С. (2001). *Полное собрание сочинений в 10 тт. Т 4.* – М.: Воскресенье.
- 5- Завельская Д.А. (2020). «Возвращение в Рай» в идиллии и оде И.А. Крылова: художественная модель и мировосприятие// *Филологические заметки.* Т. 1. № 18. С. 156–169.
- 6- Захарова В.Т. (2013). *Проза Ив. Бунина: аспекты поэтики.* – Н. Новгород: ННГУ.
- 7- Кихней Л.Г., Меркель Е.В. (2015). *Аксиология повседневных вещей в поэтике акмеизма* // *Вестник Томского государственного университета. Филология.* № 1 (33). С.129–136.
- 8- Короленко В.Г. [Журналист] (1904). *О сборниках «Знания»* // *Русское Богатство,* № 8. С. 132–146.
- 9- Майков А.Н. (1984). *Сочинения в двух томах Т. 1.* – М: Правда.
- 10- Радомская Т.И. (2006). *Свет в художественном пространстве дома: Пушкин и древнерусская книжная традиция*// *Вестник Самарского государственного университета,* 2006, № 10-2 (50), С. 43–49.
- 11- Сливницкая О.В. (2004). *«Повышенное чувство жизни»: Мир Ивана Бунина.* – М.: Издательство РГГУ.

- 12- Старыгина (2017). *Дарение: от устойчивого рождественского мотива к сквозному мотиву в святочных рассказах Н. С. Лескова* // Проблемы исторической поэтики. 2017. Т. 15 (№ 4). С. 38–58.
- 13- Толстой А.К. (2001). *Собрание сочинений в 5 тт. Т. 4.* – М.: Терра.
- 14- Топоров В.Н. (1995). *Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное.* – М.: Изд. группа «Прогресс-Культура».
- 15- Филатов А. В. (2017). *Содержание понятия «адамитизм» и состав адамитического мифа Н. С. Гумилева//Stephanos.* 2017. № 3 (23). С. 117–125.
- 16- Хализев В. Е. (1982). *Художественный мир писателя и бытовая культура (на материале произведений Н. С. Лескова)* // Контекст: Литературно-теоретические исследования. 1982, т. 1981. С. 110–145.
- 17- Ходасевич В. Ф. (1996). *Собрание сочинений в 4 тт. Т. 2.* – М.: Согласие.
- 18- Чудаков А. П. (1986). *Предметный мир литературы (К проблеме категорий исторической поэтики)* // Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения. – М.: Наука, С. 251–291.
- 19- Чудаков А. П. (1992). *Слово – вещь – мир: от Пушкина до Толстого.* – М.: Современный писатель.
- 20- Шубинский В. И. (2004). *Николай Гумилев. Жизнь поэта.* – СПб.: Вита нова.

Bibliography

- 1- Bunin I.A. (2006). *Polnoe sobranie sochinenij v 13 t. T.2.* – М.: Voskresen'e.
- 2- Gukovskij G.A. (1959). *Realizm Gogolja.* – М.: GIHL.
- 3- Gumilev N.S. (1998). *Polnoe sobranie sochinenij v 10 tt. T 2.* – М.: Voskresen'e.
- 4- Gumilev N.S. (2001). *Polnoe sobranie sochinenij v 10 tt. T 4.* – М.: Voskresen'e.
- 5- Zavel'skaja D.A. (2020). «Vozvrashhenie v Raj» v idillii i ode I.A. Krylova: hudozhestvennaja model' i mirovosprijatie// Filologicheskie zametki. T. 1. № 18. S. 156–169.
- 6- Zaharova V.T. (2013). *Proza Iv. Bunina: aspekty pojetiki.* – N. Novgorod: NPGU.
- 7- Kihnej L.G., Merkel' E.V. (2015). *Aksiologija povsednevnyh veshhej v pojetike akmeizma* // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija. № 1 (33). S.129–136.
- 8- Korolenko V.G. [Zhurnalist] (1904). *O sbornikah «Znanija»* // Russkoe Bogatstvo, № 8. S. 132–146.
- 9- Majkov A.N. (1984). *Sochinenija v dvuh tomah T. 1.* – М: Pravda.

- 10- Radomskaja T.I. (2006). *Svet v hudozhestvennom prostranstve doma: Pushkin i drevnerusskaja knizhnaja tradicija*// Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta, 2006, № 10-2 (50), S. 43–49.
- 11- Slivickaja O.V. (2004). *«Povyshennoe chuvstvo zhizni»: Mir Ivana Bunina*. – M.: Izdatel'stvo RGGU.
- 12- Starygina (2017). Darenie: ot ustojchivogo rozhdestvenskogo motiva k skvoznomu motivu v svjatochnyh rasskazah N.S. Leskova // Problemy istoricheskoy pojetiki. 2017. T. 15 (№ 4). S. 38–58.
- 13- Tolstoj A.K. (2001). *Sobranie sochinenij v 5 tt. T. 4*. – M.: Terra.
- 14- Toporov V.N. (1995). *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovanija v oblasti mifopojeticheskogo: Izbrannoe*. – M.: Izd. gruppy «Progress-Kul'tura».
- 15- Filatov A.V. (2017). *Soderzhanie ponjatija «adamizm» i sostav adamicheskogo mifa N. S. Gumileva*//Stephanos. 2017. № 3 (23). S. 117–125.
- 16- Halizev V.E. (1982). *Hudozhestvennyj mir pisatelja i bytovaja kul'tura (na materiale proizvedenij N. S. Leskova)* // Kontekst: Literaturno-teoreticheskie issledovanija. 1982, t. 1981. S. 110–145.
- 17- Hodasevich V.F. (1996). *Sobranie sochinenij v 4 tt. T. 2*. – M.: Soglasie.
- 18- Chudakov A.P. (1986). *Predmetnyj mir literatury (K probleme kategorij istoricheskoy pojetiki)* // Istoricheskaja pojetika. Itogi i perspektivy izuchenija. – M.: Nauka, S. 251–291.
- 19- Chudakov A.P. (1992). *Slovo – veshh' – mir: ot Pushkina do Tolstogo*. – M.: Sovremennyj pisatel'.
- 20- Shubinskij V.I. (2004). *Nikolaj Gumilev. Zhizn' pojeta*. – SPb.: Vita.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Zavelskaya D. A. (2021). Two "Prodigal Sons" of Russian Literature and the Problematics of the "Subject Range": Images of Earth Fruit by N.S. Gumilyov and I. A. Bunin. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 9(2), 133–150.

DOI: 10.52547/iarll.18.133

URL: <https://journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/210>

دو «پسر ناخلف» در ادبیات روسی و مشکلات موضوع «نوع اشیا»: تصاویر ثمره‌های زمینی در آثار ن.س. گومیلیوف و ای.آ. بونین

داریا آلکساندرونا زاولسکایا^{*۱}

دانشیار، دانشگاه دولتی روسیه «آ.ن. کاسیگین» (فناوری‌ها، طراحی و هنر)
مسکو، روسیه.

(تاریخ دریافت: مه ۲۰۲۱؛ تاریخ پذیرش: ژوئیه ۲۰۲۱)

چکیده

این مقاله به تفسیر دو اثر منظوم از گومیلیوف با عنوان «پسر ناخلف» و «گل‌ها و زنبورها...» اثر بونین در زمینه داستانی از انجیل و جهان‌بینی و باورهای مسیحی می‌پردازد. این دو اثر با روش تحلیل تطبیقی مورد مطالعه و بررسی قرار گرفته‌اند. این مقایسه بر اساس ارتباط تصاویر اشیا با تصویر جهان، معنای مذهبی و احساس اخلاقی انجام شده است. برای تفسیر تصاویر، مفهوم مدل هنری (ادبی) معرفی می‌شود که به معنای ارتباط مستقیم تصاویر انتخاب شده با سیستم اساسی جهان‌بینی نویسنده است. روش شعر تاریخی در این مطالعه با تحلیل معنایی اشیا و تصاویر طبیعی همراه است. این تصاویر به‌عنوان عناصری از مدل ادبی ارائه می‌شوند که از طریق زیبایی‌شناسی، اخلاق ارزشی عمل صالح را به‌عنوان گسترش زیبایی و بخشندگی طبیعت مجسم می‌کنند. در فرایند تحلیل، مدل «متن عدنی» آشکار می‌شود که به‌عنوان تصویر اولیه شناخت جهان اشیا به‌عنوان موهبت الهی محسوب می‌شود. این مدل را می‌توان نمونه محقق شده ژانر ایدلی (روستایی) دانست.

واژگان کلیدی: سنت، تصویر، مدل هنری، موهبت، تفسیر، گومیلیوف، بونین.